Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

DOI:10.17951/sb.2025.19.81-95
Studia Białorutenistyczne 19/2025 LITERARY STUDIES
ISSN: 1898-0457 e-ISSN: 2449-8270 Licence: CC BY 4.0

Tatiana Shakhmatova

Independent researcher (Poland)
e-mail: tlipatnikova8@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-7490-9802

Немцевич и Грибоедов: споры о польско-белорусском сюжете в творческой предыстории пьесы "Горе от ума"

Niemcewicz and Griboyedov: Debates on the Polish-Belarusian Motif in the Creative Prehistory of "Woe from Wit"

Niemcewicz i Gribojedow: wątek polsko-białoruski w genezie sztuki „Mądremu biada"

Нямцэвіч і Грыбаедаў: спрэчкі пра польска-беларускі сюжэт у творчай прадгісторыі п'есы "Гора ад розуму"

Abstract

The article examines the history of research on the influence of Julian Niemcewicz's comedy *Powrót posła* on Alexandr Griboyedov's play *Woe from Wit*. The first publication on this topic provoked a sharp critical reaction from the leading expert on Griboyedov's works, Nikolai Piksanov. In the following decades, scholars either avoided the topic or addressed it with extreme caution. Nevertheless, throughout the 20th century, the Niemcewicz–Griboyedov theme repeatedly re-emerged in scholarly discourse. An open scholarly polemic occurred only once; the subsequent history can be described more as a history of distancing and (self)-censorship. The article analyzes the positions of the opposing sides at each stage of this distinctive scholarly debate. It also attempts to outline prospects for further research in light of recent studies on the modes of functioning of theatrical texts at the turn of the 18th and 19th centuries, as well as new biographical information about Niemcewicz and Griboyedov. In many cases, geography played a more important role in facilitating cultural contact than official prohibitions, myths, or stereotypes. Both key figures in this story – Niemcewicz and Griboyedov – were closely connected to the city Brest.

Keywords: Griboyedov, Niemcewicz, *Woe from Wit*, Brest, Polish-Belarusian-Russian literary contacts

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

Abstrakt

W artykule omówiono historię badań nad wpływem komedii Juliana Niemcewicza *Powrót posła* na sztukę Aleksandra Gribojedowa *Mądremu biada*. Pierwsza publikacja poświęcona temu zagadnieniu spotkała się z ostrą krytyką ze strony najwybitniejszego znawcy twórczości Gribojedowa, Nikołaja Piksanowa. W kolejnych dekadach badacze albo unikali tego tematu, albo wypowiadali się na jego temat z najwyższą ostrożnością. Mimo to kwestia relacji Niemcewicz–Gribojedow powracała w dyskursie naukowym przez cały XX wiek. Otwartą polemikę odnotowano tylko raz; dalszy rozwój tej problematyki można określić raczej jako dzieje dystansowania się badaczy oraz (auto)cenzury. W artykule przeanalizowano stanowiska wybranych uczonych na każdym etapie tej specyficznej debaty. Podjęto także próbę wskazania nowych perspektyw badawczych, uwzględniających najnowsze ustalenia dotyczące funkcjonowania tekstu teatralnego pod koniec XVIII i na początku XIX wieku, a także aktualne dane biograficzne o Niemcewiczu i Gribojedowie. Często to właśnie geografia odgrywała większą rolę w kształtowaniu kontaktów kulturowych niż oficjalne zakazy, stereotypy czy mity. Obie kluczowe postacie tej historii – Niemcewicz i Gribojedow – łączyły bliskie związki z Brześciem.

Słowa kluczowe: Gribojedow, Niemcewicz, *Mądremu biada*, *Powrót posła*, Brześć, polsko-białorusko-rosyjskie kontakty literackie

Аннотация

У артыкуле разглядаецца гісторыя вывучэння пытання пра ўплыў камедыі Юліяна Нямцэвіча *Powrót posła* на п'есу *Горе от ума* Аляксандра Грыбаедава. Першая публікацыя на гэтую тэму выклікала вострую крытычную рэакцыю самага аўтарытэтнага спецыяліста па творчасці Грыбаедава Мікалая Піксанава. Пазней даследчыкі альбо стараліся абмінаць гэтае пытанне, альбо выказваліся максімальна асцярожна. Аднак на працягу ўсяго XX стагоддзя тэма Нямцэвіч-Грыбаедаў так ці інакш вярталася ў навуковы дыскурс. Адкрытая спрэчка здарылася толькі аднойчы, усю пазнейшую гісторыю пытання можна назваць хутчэй гісторыяй дыстанцыявання і (сама) цэнзуры. У артыкуле аналізуюцца пазіцыі бакоў на кожным вітку гэтай своеасаблівай дыскусіі. Таксама зроблена спроба зірнуць на перспектыву вывучэння пытання з улікам новых даследаванняў спосабаў функцыянавання тэатральнага тэксту ў канцы XVIII – пачатку XIX стагоддзя і новых звестак біёграфаў Нямцэвіча і Грыбаедава. Нярэдка геаграфія адыгрывала больш значную ролю для культурных кантактаў, чым афіцыйныя забароны, міфы і стэрэатыпы. Абедзве ключавыя постаці гэтай гісторыі – Нямцэвіч і Грыбаедаў – аказаліся цесна звязаныя з горадам Брэстам.

Ключевые слова: Грыбаедаў, Нямцэвіч, *Горе от ума*, *Powrót posła*, Брэст, польска-беларуска-расійскія літаратурныя кантакты

Юлиан Урсын Немцевич – фигура, мимо которой трудно пройти, изучая историю отношений Польши и Российской империи в конце XVIII – начале XIX веков. Один из разработчиков Конституции 3 мая, адъютант Тадеуша Костюшко, личный враг императрицы Екатерины II,

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

личный друг императора Александра I, предотвративший покушение на российского царя во время его визита в Варшаву. Известный публицист, драматург, автор сатирических памфлетов, борец за независимость Польши, писатель, известный в кругах декабристов своими *Историческими песнями*.

Уже тот факт, что родовое имение Немцевича находится под Брестом, обуславливает прочтение феномена его творчества на перекрёстке культур. Музей-усадьба Немцевичей в деревне Скоки в наши дни является значимым объектом историко-культурного наследия Беларуси как одно из старейших зданий в стиле барокко в окрестностях Бреста. Сотрудники музея ведут активную работу по изучению наследия писателя и того вклада в общественную и культурную жизнь Брестчины, который сделал сам Юлиан Немцевич и шесть поколений его семьи, проживавшей здесь вплоть до 1918 года (Lišyk, 2019). Главная пьеса Немцевича *Powrót posła* частично переведена на беларуский язык (на русский язык переводов нет). В некоторых школах Бреста и Брестской области комедия Немцевича изучается и играется в школьных постановках.

Именно от научных сотрудников музея Немцевичей, Владимира Лишика и Сергея Семенюка, в 2020-м году автор этой статьи впервые услышала версию о том, что пьеса Юлиана Немцевича *Powrót posła* (*Возвращение депутата*) оказала непосредственное влияние на *Горе от ума* Александра Грибоедова.

С точки зрения возможных влияний пьеса *Горе от ума* изучена детально. Комедия органично вписана в контексты европейской и российский драматургии. Всесторонне описаны типологические связи произведения Грибоедова с комедиями Мольера (Николай Пиксанов, Александр Веселовский, Елена Дунаева), Бомарше (Юрий Тынянов), с пьесами эпохи декабристов (Александр Слонимский), с легкой комедией 10–20 годов XIX века (Андрей Зорин, Юлия Бабичева). Отмечено сходство с немецким сатирическим романом XVIII века на уровне сюжетной ситуации (Ростислав Данилевский), с образом Дон Кихота Сервантеса в обрисовке типа любви Чацкого к Софье, как поклонение выдуманному образу (Альфред Бем) и мн.др. Существенно менялся взгляд на природу литературных связей с современной Грибоедову российской драматургией. От утверждения непродуктивности современной Грибоедову пьесы с точки зрения жанровых форм, „с которыми ее мало что связывало” (Orlov, 1967, s. 73), исследователи приходили к признанию, что автор *Горя от ума* сознательно ориентировался на произведения комедийного репертуара своего времени, в частности, на комедии князя Александра Шаховского, Осипа Хмельницкого, Петра Писарева, и они, „освещенные лучами грибоедовского шедевра, демонстрируют заключенные в них большие и малые художественные открытия” (Borisov, 1978, s. 100).

Первая работа на тему „Грибоедов-Немцевич” принадлежит перу учёного Казанского императорского университета, слависту Нестору Петровскому. В 1916 году учёный публикует брошюру *Грибоедов и Немцевич*, где отмечает совпадения на уровне проблематики и отдельных аспектов поэтики: особенностей

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

построения сюжета, основанного в обеих комедиях на столкновении молодого героя, „проникнутого лучшими гражданскими стремлениями", с „невежественной заскорузлой средой, которая довольна своим существованием и не хочет слышать ни о каких нововведениях" (Petrovsky, 1916, s. 11). Также исследователь выделил совпадение в характерах главных героев пьес: старосты Гадульского и Фамусова, Валерия и Чацкого, жены старосты и матери Софьи в черновиках *Горя от ума*, нашел общее „в отдельных выражениях" и в некоторых сценах. „Фамусов есть русское видоизменение старосты", – приходит к выводу Петровский (Petrovsky, 1916, s. 11). В 1917 году эта работа вышла в виде статьи в журнале „Русский филологический вестник" (Petrovsky, 1917).

Петровский отмечает, что в Бресте Грибоедов мог познакомиться со знаменитой в своё время в Польше политической комедией Немцевича. К моменту приезда Грибоедова в Брест пьеса *Powrót posła* уже 20 лет была запрещена к постановке на сцене, но родовое имение Немцевича находится всего в нескольких верстах от Бреста: популярность идейного вдохновителя первой польской конституции в родном крае была огромной. Этот вопрос ещё будет затронут в нашей статье уже в связи с современными работами биографов Грибоедова и исследованиями учёных музея-усадьбы в Скоках.

Обе пьесы строятся на сюжетной ситуации возвращения главного героя после долгого отсутствия. Валерий у Немцевича уезжает из дома на два года в качестве депутата сейма 1790 года. Чацкий в течение трёх лет был за границей, в том числе занимался политикой („с министрами про вашу связь... Потом разрыв" (Griboedov, 1987, s.71). Валерий и Тереза, как впоследствии Чацкий и Софья, с детства воспитывались в одном доме. У Немцевича это дом подкомория, отца Валерия (после того, как у Терезы умерла мать, а её отец женился повторно), у Грибоедова – дом родителей Софьи. Молодых людей у обоих авторов связывает детская дружба, первое юношеское чувство. И у Валерия, и у Чацкого за время отсутствия появляется конкурент. В *Возвращении депутата* это модный промотавшийся кавалер Шарманский, ищущий богатого приданого, в *Горе от ума* – Молчалин, служащий в доме Фамусова. И Шарманский, и Молчалин умеют подлаживаться под ожидания собеседника, скрывают свои истинные чувства, в присутствии дам носят маску сентиментального молодого человека, умеют и „моську вовремя погладить", и *Новую Элоизу* к месту процитировать.

В детстве Тереза и Валерий были помолвлены, но теперь отец Терезы не симпатизирует Валерию из-за его политических взглядов. Чацкого Фамусов также не рассматривает в качестве жениха. Валерий спорит с Гадульским, ратуя за реформирование польских законов, Чацкий – обличает фамусовское общество.

Даже упрощенный пересказ фабул двух комедий показывает – здесь действительно есть предмет для сравнения. Петровский пишет прямо: „в идейном отношении обе пьесы весьма сходны" (Petrovsky, 1916, s. 12).

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

Финалы у пьес разные. В пьесе Немцевича компромисс найден, несмотря на идейные разногласия. Возможность же договориться между персонажами *Горя от ума* лежит далеко за пределами семейных, социальных или политических расхождений. Это разногласия самой жизни, как отмечал ещё Иван Гончаров, речь не столько о борьбе позиций, сколько разное устройство мышления спорящих сторон – „борьба за существование мешает им уступить" (Gončarov, 1972, s. 141).

Петровский намечает перспективу исследований вопроса о польском влиянии: с его точки зрения, тема представляет интерес для „параллельного изучения славянских литератур, которые находились под одинаковым иностранным влиянием", что позволит „выяснить роль общеславянской национальной основы в их эволюции", а различия покажут, как „под влиянием местных условий преломлялись лучи одних и тех же европейских идей" (Petrovsky, 1916, s. 15). Тем самым казанский ученый близко подошёл к формулировке идеи о национальных инвариантах и конструировании национальной идентичности средствами литературного кода, которая обрела широкую популярность среди исследователей к середине XX века (Георгий Гачев, Дмитрий Лихачев, Михаил Бахтин, Анна Вежбицкая и мн.др.).

Очерченная перспектива кажется вполне логичной после ознакомления с текстом *Powrót posła* (Niemcewicz, 1885). И Польша времени сейма 1790 года, и Россия после 1812 года находились в ситуациях исторического перепутья, перед сложным выбором между демократическими преобразованиями, закреплениями гражданских свобод, необходимостью отмены крепостного права или укреплением реакции за счёт увеличения привилегий правящего класса. И в той, и в другой пьесе идейные разногласия показаны на фоне личного конфликта, что само по себе существенно осложняет проблемный диапазон социально-психологической комедии, сообщает её этологическому заданию ещё большую сатирическую заостренность, чем в пьесах, скажем, Мольера, оказавших безусловное влияние на развитие мировой драматургии, в том числе польской и русской. Если у Мольера в *Мизантропе* мы встречаем критику лицемерия как вечного человеческого недостатка, то у Немцевича и Грибоедова – отражение конкретного исторического момента: столкновение нового и старого мышления, носителями которых являются национально узнаваемые образы.

Однако намеченные Петровским перспективы исследования оказались надолго забыты. Причиной, судя по всему, стала работа 1922 года признанного специалиста по творчеству Грибоедова Николая Пиксанова. В монографии *Грибоедов и Мольер* Пиксанов „оппонирует" казанскому учёному. Кавычки на слове „оппонирует" здесь не случайны. Пиксанов пишет: „Разбор комедии „Возвращение депутата" показывает, что в ней в сущности две фигуры напоминают „Горе от ума" – староста и Валерий", „остальные персонажи вовсе не сходны"; Молчалина „никто и ничего не напоминает в „Возвращении депутата". По мнению

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

критика, пьеса Немцевича художественного значения не имеет. „И всё это изложение доказывает, что сближение двух комедий натянуто"; "Для чего написана статья после этого становится загадочно" (Piksanov, 1922, s. 28–30). Иначе говоря, Пиксанов скорее отрицает аргументы Петровского, чем критикует или опровергает их (разбору позиции Петровского посвящены неполные три страницы монографии *Грибоедов и Мольер*). Судя по всему, польским языком Пиксанов не владел, свои замечания он основывал лишь на тех переводах-подстрочниках, которые приводит в статье Петровский. Вывод Пиксанова категоричен: „связи между двумя комедиями нет, ясно, что совпадения случайны и отдалённы, и Немцевича необходимо исключить из учёта западных влияний на Грибоедова" (Piksanov, 1922, s. 30). Ответа от Петровского не последовало: казанский учёный умер в 1921 году.

Категоричность Пиксанова вполне объяснима в свете политических задач нового советского государства, которые отразились и в научной парадигме. Советское время – период активного развития компаративистики, но с особым курсом: на обоснование уникального национального своеобразия русской литературы. При этом влияния как бы неофициально делились на престижные и непрестижные, к числу первых, несомненно, относился Мольер, польская же литература в этом списке стояла не в первом и даже не во втором ряду. Сложные отношения с Польшей, а также геополитические амбиции со стороны РСФСР и СССР играли не последнюю роль в формировании „рейтинга престижности".

В своих последующих работах самый знаменитый российский специалист по Грибоедову планомерно исключал понятие прямого влияния из контекста исследований комедии Грибоедова: „школа пройдена раньше, чем поэт приступил к сознательным работам в новом замысле и ее рефлексы обнаруживаются совсем иначе, чем непосредственное литературное влияние" (Piksanov, 1971, s. 65).

Долгое время после резкой критики Пиксановым работы Петровского советская наука не стремилась подробно останавливаться на обсуждаемом схождении. Иногда исследователи вскользь отмечают, что сопоставление пьес *Горе от ума* и *Powrót posła* кажется более убедительным, чем, например, широко известный сравнительный анализ комедий Грибоедова и *Мизантропа* Мольера, произведённый Веселовским (Dvojčenko-Markova, 1970, s. 134), но не более того.

Следующая полноценная попытка сопоставить пьесы *Powrót posła* и *Горе от ума* случилась уже в российском литературоведении – в 1994 году. Исследователь польско-российских культурных контактов София Свердлина пишет статью под таким же, как и у Петровского, названием *Грибоедов и Немцевич*. Свердлина рассматривает сходство образов Шарманского-Молчалина; старосты Гадульского-Фамусова; Терезы и жены старосты – персонажей, различными своими гранями „слившихся" в Софье и тем самым обеспечивших её противоречивость. Также её внимание привлекает обилие внесценических персонажей, „многолюдность" обеих пьес (у Немцевича их больше тридцати, у Грибоедова – свыше

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

сорока пяти). Такая многолюдность не была характерна для драмы классицизма и сентиментализма. „И в данном аспекте, несмотря на широкий диапазон примеров из русской и мировой литературы, в связи с вышеизложенным, ассоциации возникают, в первую очередь, с *Powrot posła*" (Sverdlina, 1994, s.94). Вслед за Петровским Свердлина отмечает общие места в построении сюжета и некоторых сцен, развитие одних и тех же тем и мотивов. Среди них – критика галломании, „смешенье языков" (французского с нижегородским и французского с польским), замечания о вреде книг в речах Старосты и Фамусова, в которых можно заметить буквальные переклички в словах и выражениях, восхваление старых порядков в противовес новым идеям, продвигаемым Чацким и Валерием и др.

Свердлина приходит к выводу о том, что комедия Немцевича явилась литературным источником *Горя от ума*, но отказывается от термина „влияние": „вновь возвращаясь к данному вопросу, мы не собираемся вести речь о влиянии. В нашем представлении, комедия Немцевича явилась для Грибоедова литературным, книжным источником при создании *Горя от ума*" (Sverdlina, 1994, s. 83).

Безусловно, „влияние" – термин эмоционально окрашенный, особенно в советском литературоведении. Зачастую он трактуется слишком упрощенно как неоригинальность, несамостоятельность творческих поисков и кажется неудачным для обозначения контактных схождений (Dima, 1977, s. 212). Однако и понятие „литературный источник" включает огромное смысловое поле компаративистики и не проливает свет на тип работы с первоосновой, который мог быть обусловлен общностью социальных, нравственно-психологических, политических, художественных задач, обеспечивших условия контакта с источником. Вывод Свердлиной: „Истинно великие художественные ценности – в конечном итоге всегда плод взаимозависимости и взаимообогащения литератур и культур разных народов" (Sverdlina, 1994, s. 96), без сомнения, справедлив, но кажется слишком общим.

Таким образом, работа над сопоставлением двух пьес фактически каждый раз начиналась заново и словно останавливалась на полпути.

В 2020 году доктор филологических наук Геннадий Ковалёв пишет максимально осторожно: „не таким уж бесперспективным выглядит сближение „Горя от ума" с комедией польского автора Ю. Немцевича „Возвращение депутата" (Niemcewicz E. Powrót posła. Warszawa, 1790), приведенное в статье Н.М. Петровского (1917) и раскритикованное Н.К. Пиксановым" (Kovalëv, 2020, s. 75). Работа Ковалёва посвящена ономастике в *Горе от ума*, и разыскания в области происхождения имени Чацкого вновь выводят к „польской линии" в творчестве Грибоедова. Однако это осторожное замечание снова повисает в воздухе.

Складывается ощущение, что вокруг темы „Немцевич-Грибоедов" как будто до сих пор существует негласный маркер нежелательности, выражаясь языком театра, – водевильный заговор без сговора, который, судя по всему, берёт своё начало ещё в советском литературоведении. Сравните, например, замечание

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

Сергея Фомичёва: „Особого внимания заслуживают внесценические персонажи, активное введение которых в сюжет является *новаторским завоеванием Грибоедова*, хотя уже в догрибоедовской комедии можно обнаружить упоминаемых по ходу действия лиц, подчас довольно колоритных и запоминающихся. [...] Однако *только Грибоедов ввел их в таком неисчислимом количестве*, создавая не ослабевающее на всем протяжении пьесы впечатление присутствия где-то рядом „тьмы и тьмы" знакомых незнакомцев [...]" (Fomičëv, 1983, s. 35); [курсив мой – Т.Ш.]. Наблюдение о „многолюдстве" пьесы Немцевича, сделанное Свердлиной, казалось бы, разрушает эту стройную концепцию „новаторского завоевания".

В действительности же всё выглядит с точностью до наоборот. Начнём с того, что слово „завоевание" здесь уместно в той же мере, в какой уместен выстрел стартового пистолета на вечере органной музыки. В то же время снятие момента соревновательности с литературоведческого анализа, который, что скрывать, эксплицитно и имплицитно присутствует в советском научном дискурсе, открывает новые биографические и компаративистские перспективы для исследования творческого метода Грибоедова, театральной практики начала XIX века и польско-российских культурных контактов.

Грибоедов открыто нигде не упоминает Немцевича, как это сделал, например, Кондратий Рылеев в своих *Думах*. Это неудивительно в свете того, что „аллюзии к польской культуре и литературе были в сознании либеральных литераторов первой половины 1820-х годов коннотированы как оппозиционные" (Kirschbaum, 2017, s. 78). Хорошо известно, что Грибоедов долго добивался публикации комедии: обращался и к министру внутренних дел Василию Ланскому, и к писателю Александру Шишкову, занимавшему пост министра народного просвещения, и к генералу Паскевичу. Стараясь обойти цензуру, „урезывал, менял на вздор", по его собственному выражению. Свердлина выдвигает предположение о том, что неузнавание польского источника ближайшим окружением Грибоедова было результатом неизвестности пьесы Немцевича в России, что тоже абсолютная правда.

Однако последующие биографы Грибоедова прямо апеллируют к факту знакомства российского драматурга с текстами Немцевича в брестско-кобринский период (1813–1814 гг.), когда Грибоедов служил в штабе генерала Кологривова. Екатерина Цимбаева пишет: "Он открыл для себя великую польскую литературу. Неподалёку жили родные польского поэта и драматурга Юлиана Немцевича, завоевавшего славу среди сограждан. [...] Заболев, он послал к графине Оссалинской за сочинениями Немцевича, прочёл и стихи Адама Мицкевича и сумел полюбить польскую поэзию" (Cimbaeva, 2003, s. 138).

Вероятность личного знакомства Немцевича и Грибоедова в Бресте, как предполагает польский исследователь Вацлав Ледницкий, а вслед за ним допускает Свердлина (Sverdlina, 1977), всё же, видимо, минимальна. Грибоедов

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

в 1813–14 годах – девятнадцатилетний гусар, Немцевичу глубоко за пятьдесят, он известный польский законник, дипломат, писатель, но самое главное – „властителю дум Варшавы" после поражения Наполеона небезопасно появляться в родном имении под Брестом, оказавшимся после третьего раздела Польши на территории Российской империи. Однако, как сообщил во время моего визита в Брест в 2020-м году директор музея-усадьбы Немцевича Сергей Семенюк, родной брат Юлиана – Ян Немцевич являлся в годы службы Грибоедова в Бресте маршалком шляхты (предводителем дворянства) Брестского повета, – именно через него происходили контакты местных властей с российскими военными. Ян поддерживал постоянную переписку с Юлианом, хранил его дневники и издания разных лет. Шансы, что Грибоедов, активно интересовавшийся польской литературой, познакомился не только с текстами, но и с некоторыми членами семьи польского писателя, – очень велики.

Исследователи описывают *Powrót posła* как пьесу с наивной интригой, классицистическими штампами, характерами, чётко делящимися на положительных и отрицательных. Пьеса Немцевича действительно не блещет отточенностью формы, она писалась буквально за несколько месяцев как отклик на события польского сейма 1790-го года. Однако острота наблюдений Немцевича, сатирический слог и злободневность темы обеспечили *Возвращению депутата* огромный успех в Польше в 1791–1792 годах, который мог бы сравниться разве что с популярностью пьесы *Карл IX или Урок Королям* М.-Ж. Шенье во Франции во время Французской революции. Немцевич сам был участником и важным действующим лицом польского сейма. В словах старосты Гадульского современники узнавали высказывания реальных людей: „Cała Warszawa bawiła się później wuszukując, które słowa z czyjego przemówienia pochodzą" (Pszemski, 2017, s. 63). Газеты описывали переполненный зал, многократные взрывы аплодисментов, требования к актёрам повторять понравившиеся слова (Instytut Teatralny im. Zbigniewa Raszewskiego, online-ресурс). Выручка от постановки *Powrót posła* покрыла весь годовой театральный бюджет в 1791 году. Один из депутатов сейма даже пожаловался на пьесу, чем только добавил ей популярности. Премьеру посетил король Станислав Август Понятовский, а шведский посол в Польше переслал в Стокгольм экземпляр комедии, снабдив его письмом, где отметил: „sukces komedii był dowodem, że dawne uprzedzenia polityczne Polaków do pewnych zmian zostały nareszcie przezwyciężone" (Pszemski, 2017, s. 66). Всё это молодой Грибоедов, который как раз в Бресте начинает писать собственные первые театральные опыты, должен был узнать не из старых газет и журналов, а от непосредственных очевидцев феноменального театрального успеха пьесы Немцевича.

С этой точки зрения особенно любопытно сравнить текст *Возвращения депутата* и *Горя от ума* в аспекте лингвистических стратегий авторов. Если использовать современную терминологию, то пьеса Немцевича явилась своеобразным

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

вербатимом XVIII века: в ней явно прослеживается сочетание документального и художественного слова, что признавалось уже современниками. Похожие споры шли вокруг пьесы Грибоедова, на страницах которой элементы реальных биографий, узнаваемые реплики, имена сочетаются с художественной типизацией, что порождало любопытство выяснить, кто же был реальным прототипом образов комедии. Библиография на эту тему обширна: свои предположения делали как современники Грибоедова, так и исследователи всех последующих поколений (Тынянов, Пиксанов, Фомичёв, Грекова, Петрицкий и мн.др.).

Немцевича занимали вопросы ведения политической дискуссии в условиях парламентаризма, поэтому в его тексте появляются такие черты коммуникации как глухота к другой точке зрения, введение оппонентов в отрицательно оцениваемый контекст, вплоть до огульных обвинений в нелепости, странности, сумасшествии, увлечение спором, когда это совершенно неуместно и даже губительно для личных интересов героя. Например, Валерий, придя просить Гадульского отдать ему в жёны Терезу, не может удержаться от возражений, втягивается в идейный спор с отцом невесты, и если бы не вмешательство матери Валерия, которая вовремя останавливает назревающий скандал, ещё не известно, чем кончилось бы дело.

“Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?” – интересуется Чацкий у Фамусова (Griboedov, 1987, s. 34). Фамусов отвечает своё знаменитое „поди-тка послужи”. Чацкому, как известно, „прислуживаться тошно”. А дальше оба героя разражаются длинными монологами, после чего Фамусов приходит в выводу: „Ах! Боже мой! Он карбонари!” (Griboedov, 1987, s. 36). Прийти на выручку Чацкому некому, зато исходный риторический пафос ситуации, нелепый во время сватовства, очень напоминает сватовство в *Powrót posła*.

И пьеса Немцевича, и пьеса Грибоедова строятся вокруг рецептивных и коммуникативных провалов риторики. Но русский драматург наделит риторические приёмы дополнительными функциями. Речевые приёмы в пьесе Грибоедова становятся приёмами ведения сюжета (особенно наглядно это проявится в развитии слуха о сумасшествии Чацкого), что придаёт *Горю от ума* особую динамику, психологизм и в конце концов предельно заостряет и углубляет конфликт. Пётр Вайль и Александр Генис тонко подметили: „конфликт Чацкого с обществом Фамусова – прежде всего, стилистический, языковой” (Vail’, Genis, 2022, s. 30).

Эта любопытная деталь переклички художественных систем *Возвращения депутата* и *Горя от ума* не упоминалась ни Петровским, ни Свердлиной, а между тем она также говорит в пользу версии о знакомстве Грибоедова с текстом польского драматурга и, несомненно, ждёт подробного компаративного анализа. Даже если не признавать факта контактного схождения, по этому критерию *Горе от ума* больше не с чем сопоставить среди драматургии того времени.

Кроме того, обрисовывается ещё одна важная перспектива в свете новейших работ в области бытования театрального текста в XIX веке. Усвоение жанров,

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

сюжетов и целых направлений национальными литературами сопровождается возникновением сложных жанровых и идейно-тематических сплавов, приводивших к образованию новых мифологем и идеологем. Здесь можно вспомнить знаменитую дискуссию о балладе, которая под пером Василия Жуковского объединила западноевропейские влияния с национальными русскими фольклорными и поэтическими традициями. В театральной практике подобные споры шли о значении и необходимости для русской сцены жанра водевиля – французского пришельца, который на российской почве из злободневной политической шутки (не без влияния и даже напора критики Виссариона Белинского) превратился в комедию нравов и вариант социальной комедии (водевили Фёдора Кони, Петра Каратыгина, Теодора Ленского).

Процесс перекодировки воспринимался как часть естественного общеевропейского процесса, когда создавались национальные инварианты идей европейского просвещения, сентиментализма, романтизма. Открытость, формальная незавершённость особенно ярко проявилась в театральном процессе и в бытовании текста для театра. Ольга Купцова убедительно доказывает условность целостности драматургического текста в XIX веке, рассматривая переводы, переработку и использование элементов итальянской мелодрамы и комедии в творчестве Александра Островского, Николая Гоголя и других драматургов XIX столетия. Тексты оригиналов могли сначала пройти затейливые пути трансформации в европейском театральном процессе, а потом не менее затейливо преобразиться на российской сцене (Kupcova, 2008). Вплоть до комичных случаев, когда драматург не узнавал переделку собственного сочинения (Kupcova, 2009). Очень иллюстративен здесь пример с образом Обломова, которого вместе с именем, халатом, диваном и другом-немцем Иван Гончаров позаимствовал из водевиля Петра Каратыгина *Первое июля в Петергофе* (1839). Само собой, Гончаров существенно переосмыслил образ, заставил его работать на совершенно другое художественное задание, ни о каком плагиате или подражании здесь не может быть и речи. Тем не менее, представить себе подобную ситуацию в наши дни трудно. Каратыгин был очень популярным водевилистом в 30-е-40-е годы, водевиль *Первое июля в Петергофе* шёл на сцене вплоть до 1847 года, но узнавание, если оно и произошло современниками, не вызвало ни общественного возмущения, ни полемики, ни даже упоминания, которое позволило бы последующим исследователям творчества Гончарова быстро обнаружить источник. В 2008 году автор этой статьи случайно наткнулась на это заимствование, изучая журнал *Репертуар и пантеон* за 1839 год, где был опубликован водевиль Каратыгина (Šahmatova, 2008, s. 71–75). Этот яркий случай ещё раз подтверждает мысль о том, что отношение к влияниям – особенно в сфере театральных текстов в XIX веке – существенно отличалось от нашего современного.

В свете вышесказанного нетрудно себе представить уникальный жанрово-стилистический сплав комедии Грибоедова в основу которого легли

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

французские, итальянские образцы классической комедии, русская театральная традиция, а также польская политическая комедия, которая напрямую отражала реальные дискуссии в парламенте, появившегося в Речи Посполитой раньше, чем во Франции. В свою очередь, пьеса *Powrót posła* Немцевича сама испытала влияние не только европейских образцов, но также национального польского театра: комедий Франтишека Богомольца, Франтишека Заблоцкого и др. Встреча всех этих традиций более чем вероятна в условиях политического и культурного пограничья западных территорий современной Беларуси, которые на рубеже XVIII–XIX веков в очередной раз стали ареной Большой Истории. Гений Грибоедова, в этом новом ракурсе нисколько не меркнет, напротив – выступает ещё более многогранным, а изначальный идейный замысел комедии *Горе от ума* представляется более оппозиционным.

С точки зрения польско-российских литературных контактов здесь любопытны как аспекты сближения, так и аспекты дистанцирования в переживании границы с обеих сторон: зоны диалога, аналогии, взаимообогащения и напротив – обособления, поиска „своего", вплоть до „капсулирования" в национальных мифах (Дмитрий Лихачев). Также следует учитывать, что категория „свой"/„чужой" между польским шляхтичем Немцевичем и русским дворянином Грибоедовым переживалась своеобразно. Непроходимой границы между высшей знатью российского общества и польско-беларусской шляхтой нет, несмотря на все политические различия и на частую смену ролей (отчасти благодаря ей). Так, например, родные братья Юлиана Немцевича – Станислав и Ян – избираются на значимые должности местного управления как в периоды Речи Посполитой, так и во времена Российской Империи. Из-за близости языка и общности политических реалий культурный обмен здесь представляет собой совершенно особый тип диалога, несомненно, окрашенного очень разными эмоциями (Firsova, 2013; Kirshbaum, 2017), но при этом чрезвычайно интенсивного.

Все эти вопросы – предмет дальнейших исследований. Судя по всему, они должны предполагать существенную ревизию нарративов и оппозиций, которые выстроило на границах отношений литератур-соседей ещё советское и российское литературоведение.

REFERENCES / BIBLIOGRAFIA

Borisov, Ûrij. (1978). *„Gore ot uma" i russkaâ stihotvornaâ komediâ*: (*U istokov žanra*). Saratov: Saratovskij universitet. [Борисов, Юрий. (1978). *«Горе от ума» и русская стихотворная комедия: (У истоков жанра)*. Саратов: Саратовский университет].

Cimbaeva, Ekaterina. (2003). *Griboedov*. Moskva: Molodaâ gvardiâ. Žizn′ zamečatel′nyh ljudej: Seriâ „Biografii", Vyp. 827. [Цимбаева, Екатерина. (2003). *Грибоедов.* Москва: Молодая гвардия. Жизнь замечательных людей: Серия «Биографии», Вып. 827].

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

Dima, Aleksandr. (1977). *Principy sravnitel'nogo literaturovedeniâ*. Moskva: Progress. [Дима Александр. (1977). *Принципы сравнительного литературоведения*. Москва: Прогресс].

Dvojčenko-Markova, Efrosin'ja. (1970). Némcevič i Ryléev. V: Nikolaj Balašov (red). *Pol'sko-russkie literaturnye svâzi* (s. 129–155). Moskva: Nauka. [Двойченко-Маркова, Ефросинья. (1970). Немцевич и Рылеев. В: Николай Балашов (ред.). *Польско-русские литературные связи* (с. 129–155). Москва: Наука].

Firsova, Natal'ja. (2013). „Porohovoj magazin revoljucii": istoričeskie pesni Ûliana Ursyn Némceviča. [Фирсова, Наталья. (2013). «Пороховой магазин революции»: исторические песни Юлиана Урсына Немцевича]. *Bibliotheca Nostra: Śląski Kwartalnik Naukowy,* 3, s. 64–74].

Fomičev, Sergej. (1983). *Komediâ A. S. Griboedova „Gore ot uma". Kommentarij*. Moskva: Iskusstvo. [Фомичев, Сергей. (1983). *Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума». Комментарий.* Москва: Искусство].

Gončarov, Ivan. (1972). Mil′on terzanij. V: A. S. Griboedov. *Gore ot uma* (s. 119–150). Leningrad: Detskaâ literatura. [Гончаров, Иван. (1972). Мильон терзаний. В: А.С. Грибоедов. *Горе от ума* (с. 119–150). Ленинград: Детская литература].

Griboedov, Aleksandr. (1987). *Gore ot uma: Komediâ v stihah*. Podgotovleno N. K. Piksanovym pri učastii A. L. Grišunina. Moskva: Nauka. [Грибоедов, Александр. (1987). *Горе от ума: Комедия в стихах*. Подготовлено Н. К. Пиксановым при участии А. Л. Гришунина. Москва: Наука].

Instytut Teatralny im. Zbigniewa Raszewskiego. (n.d.). *Prapremiera „Powrotu posła"*. Encyklopedia Teatru Polskiego. Pobrano z: https://encyklopediateatru.pl/artykuly/7713/prapremiera-powrotu-posla (dostęp 1.08.2025).

Kiršbaum, Genrich. (2017). Žanrovye imperializmy. Spor o prinadležnosti dum. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2, s. 77–93. [Киршбаум, Генрих. (2017). Жанровые империализмы. Спор о принадлежности дум. *Новое литературное обозрение*, 2, с. 77–93].

Kovalev, Gennadij. (2020). Avtobiografizm onomastiki *„Gorâ ot uma"* A. S. Griboedova. *Aktual'nye voprosy sovremennoj žurnalistiki i filologii*, 1/36, s. 66–80. [Ковалёв, Геннадий, (2020). Автобиографизм ономастики «Горя от ума» А. С. Грибоедова. *Актуальные вопросы современной журналистики и филологии*, 1/36, с. 66–79].

Kupcova, Olga. (2008). Komediâ „Les": opyt istoriko-teatral′nogo kommentariâ. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*, 1, s. 3–12. [Купцова, Ольга. (2008). Комедия «Лес»: опыт историко-театрального комментария. *Вестник Удмуртского университета,* 1, с. 3–12].

Kupcova, Olga (2009). Slučaj s *„Dâd'koj..."*. V: Ekaterina Dmitrieva, Ûrij Mann, Ekaterina Paderina (red.), *N. V. Gogol': materialy i issledovaniâ*, t. 2, s. 173–193. Moskva: Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor′kogo, RAN. [Купцова, Ольга. (2009). Случай с «Дядькой...». В: Екатерина Дмитриева, Юрий Манн, Екатерина Падерина (ред.). *Н.В. Гоголь: материалы и исследования*. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН].

Lišik, Vladimir. (2019). Dnevniki Ûliana Ursyn Nemceviča kak istočnik po istorii roda Ursyn Nemcevičej. U: Alâksandr Vabiščèvič (red.), *Berascejskìâ knìgazbory: prablemy ì perspektyvy dasledavannâ: matèryâly ì daklady ÌV Mìžnarodnaj navukova-praktyčnaj kanferèncyì, Brèst, 22–25 maâ 2018 goda* (s. 420–425). Brest. [Лишик, Владимир. (2019). Дневники Юлиана Урсын Немцевича как источник по истории рода Урсын Немцевичей. У: Аляксандр Вабішчэвіч (ред.), *Берасцейскія кнігазборы: праблемы*

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

і перспектывы даследавання: матэрыялы і даклады IV Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Брэст, 22–25 мая 2018 года (с. 420–425). Брэст].

Niemcewicz, Julian. (1885/nd). *Powrót posła: komedia w 3 aktach.* [Wydanie cyfrowe]. Księgarnia Polska. Pobrano z: https://wolnelektury.pl (dostęp 1.08.2025).

Orlov, Vladimir. (1967). *Griboedov*. Leningrad: Prosveŝenie. [Орлов, Владимир. (1967). *Грибоедов*. Ленинград: Просвещение].

Petrovski, Nestor. (1916). *Griboedov i Némcevič*. Petrograd: Tipografiâ A. V. Orlova. [Петровский, Нестор, (1916). *Грибоедов и Немцевич*. Петроград: Типография А.В. Орлова].

Petrovski, Nestor. (1917). Griboedov i Némcevič. *Russkij filologičeskij vestnik*, s. 1–20. [Петровский, Нестор. (1917). Грибоедов и Немцевич. *Русский филологический вестник,* с. 1–20].

Piksanov, Nikolaj. (1922). *Griboedov i Mol'er (pereoценka tradicii)*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel′stvo. [Пиксанов, Николай. (1922). *Грибоедов и Мольер (переоценка традиции)*. Москва: Государственное издательство].

Piksanov, Nikolaj. (1971). *Tvorčeskaâ istoriâ „Gorâ ot uma"*. Moskva: Nauka. [Пиксанов, Николай. (1971). *Творческая история «Горя от ума»*. Москва: Наука].

Pszemski, Leon. (2017). *Opowieść o starym Ursynie*. Warszawa: Biblioteka Publiczna im. J.U. Niemcewicza w Dzielnicy Ursynów m. st. Warszawy.

Sverdlina, Sofija. (1994). Griboedov i Nemcevič (Iz tvorčeskoj predistorii „Gorâ ot uma"). V: Sergej Fomičev (red.). *Problemy tvorčestva A. S. Griboedova* (s. 82–96). Smolensk: TRAST-IAKOM. [Свердлина, София. (1994). Грибоедов и Немцевич (Из творческой предистории «Горя от ума»). В: Сергей Фомичев (ред.). *Проблемы творчества А.С. Грибоедова* (с. 82–96). Смоленск: ТРАСТ-ИАКОМ].

Sverdlina, Sofija. (1977). Griboedov i syl′nye poliaki. V: Sergej Fomičev (red.). *A. S. Griboedov. Tvorčestvo. Biografiâ. Tradicii* (s. 212–234). Leningrad: Nauka. [Свердлина, София. (1977). Грибоедов и ссыльные поляки. В: Сергей Фомичев (ред.). *А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции* (с. 212–234). Ленинград: Наука].

Šahmatova, Tatiana. (2008). Vodevil′noe „povetrie" v russkoj literature XIX veka. *Učenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ Gumanitarnye nauki*, 150 (6), s. 70–76. [Шахматова, Татьяна. (2008). Водевильное „поветрие" в русской литературе XIX века. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*, 150 (6), с. 70–76].

Vail′, Pëtr; Genis, Aleksandr. (2022). *Rodnaâ reč′: uroki izâŝnoj slovesnosti*. Moskva: Corpus. [Вайль, Пётр; Генис, Александр. (2022). *Родная речь: уроки изящной словесности*. Москва: Corpus].

SUBMITTED: 2025.05.22
ACCEPTED: 2025.07.11
PUBLISHED ONLINE: 2026.01.30

O AUTORZE/ ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Shakhmatova / Татьяна Шахматова – Polska (Wrocław), badaczka niezależna, dr; *specjalność*: literaturoznawstwo rosyjskie, *zainteresowania naukowe*: historia teatru, komparatystyka, polsko-rosyjskie kontakty kulturowe.

Adres: ul. Nowowiejska, 50-340 Wrocław, Polska

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 06/11/2026 06:06:04

Wybrane publikacje:

1. Шахматова, Татьяна. (2008). Водевильное „поветрие” в русской литературе XIX века. *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки,* 150/6, с. 70–76.
2. Шахматова, Татьяна. (2009). Рождение конфликта из потока саморефлексии. *Современная драматургия*, 2, с. 215–217.
3. Шахматова, Татьяна. (2010). Праздник с привкусом абсурда: традиции водевиля в драматургии 20-х годов XX века (с 183–193). In: *Festkultur in der russischen Literatur (18 bis 21 Jahrhundert)*. *Культура праздника в русской литературе XVIII–XXI вв.* München: Herbert Utz Verlag.
4. Шахматова, Татьяна (2014). Водевильность и мелодраматичность как категории театральной эстетики (с. 93–110). В: Наталья Малютина, Ярослав Лавски (ред.). *Драматургия в ракурсах новейших теоретических исследований.* Białystok–Одесса: Uniwersytet w Białymstoku.
5. Moskaleva, Lada; Shakhmatova, Tatiana; Murtazina, Dina. (2020). *Russian journey: Intensive Russian language course in the form of an adventure novel*. St. Petersburg: Zlatoust.